

ЛЮДМИЛА ХМЕЛЕВСЬКА-СТЕЛЬМАХ

*Мій кіт
за тобою скучив*

Харків
«Фоліо»
2024

[▪]

Мій кіт за тобою скучив,
У мене нові книжки,
У мене нові шпалери,
Мій кіт за тобою скучив.
У мене нові шпалери,
У мене нове життя,
І тільки одна проблема:
Мій кіт за тобою скучив.

Олег Романенко

«Жизнь лучшего драматурга трагически оборвалась на взлете, и потеря эта действительно невосполнима. Он был единственным современным автором, пьесы и переводы которого шли по всей стране, и уже это одно давало надежду, что нынешний разрыв между сценой и литературой может быть преодолен. Увы, теперь он, скорее всего, только усилится».

*«Последняя дата»,
«Столичные новости», 2001 г., №48*

[▪]

...Жизнь автора, словно хлеб, разламывалась на наших глазах, и каждому, кто присутствовал в зале, достался целый кусок.

[▪]

...Две реальности — пылающий автомобиль драматурга на шоссе и горящие рукописи в финале его лучшей исповедальной пьесы — соединились в одну. И каким бы чудовищным ни казался этот символ, он невольно заставляет с благоговеньем вспомнить человека, даже смерть которого стала оправданием театра.

*А. Веселовская, «Костер в сумрачном лесу»,
«Столичные новости», 2001 г., № 44*

Белый свитер

[▪]

День рождения Ярослава. Гостей еще нет. Приходит моя мама и дарит Ярославу белый свитер. Увидев мой блеснувший, как у лисы Алисы, глаз, мама грозно заявляет: «Надеюсь, тебе не придется в голову носить его?!» Я, потупясь: «Ну что ты, мамочка!» Слава: «Ви тільки подумайте, Зое Костівно, сиджу на спілчанській президії, звідкись тхне парфумами. Тьху! Це ж від мене, як від пі...ра. Знов напередодні нацупила мого светра! Бідна, гола. Я їй щойно цілу валізу з Гамерики привіз». Мама: «Боже мій, Боже мій» (само сочувствие и осуждение). Я: «Ну добре, не буду. Я от тільки наміряю його зараз». Немая сцена. Ярослав с мамой, обнявшись и сцепивши ручки, горестно смотрят на меня. Я, крутясь перед зеркалом: «Ой, як на мене, як мені личить, а твое пузце буде трошки випинатися». Мама с неподдельным возмущением: «У Ярослава пузце?! Це... це в тебе пузце». Я: «А от у вашої донечки якраз і немає, а у зятька є». Ярослав с трагичными нотками: «От бачите, в яких умовах я живу!»

Моя мамочка, ученая дама, сохранившая до преклонных лет трогательную наивность, так и не поняла, что Ярослав устраивает, как всегда, театр на дому.

На следующий день — звонок. Мама: «Людмило, я сподіваюсь, що хоч цього светра ти не будеш вдягати». Я: «Мамочко, щоб ти навіть і не сумнівалась, рибко, — я... вже в ньому».

Клац — трубка.

Я, конечно же, время от времени надевала тот белый свитер. Но один раз чуть не попалась. Приходжу додому: «Давай, рибонько, я з тебе шубку зніму, в тебе ж ручки замерзли».

— Ой, — кажу, — Славчику, пусти-пусти мене в ванну.

Вже там стягла светра, під шубу сховала, — і виходжу, наче нічого не сталося.

І чого мені так гарно і затишно було в його вдягачці?

Скандал

[▪]

Когда ушел из жизни писатель **Андрей Крыжановский** — для тех, кто его знает — воплощение юмора, остроумия, острословия, для тех, кто его не знает — описать не берусь, его жена, **Майя Сахарова**, как-то заметила: «После Андрея и Славы ни с одним мужчиной невозможно рядом находиться — погибнешь от скуки».

Это правда.

И я, и наши друзья даже сразу после гибели Ярослава, трагичной, неожиданной и нелепой, вспоминали (и вспоминаем) его с улыбкой.

Я уже задавалась вопросом, можно ли без потерь передать чей-то юмор. Разве что за это возьмется литератор равноценного таланта. Ярослав беспрерывно заставлял меня смеяться, отнимая всякую возможность долго сердиться на него. Чувство юмора, я полагаю, это — всегда. С утра. Юмор — это стиль.

Не хочу сказать, что Ярослав был легким в быту (а я? а мы? а вы?). То «розгардияш» устроит (великий мастак за 10 минут не оставит и следа от генеральной уборки), то вдруг разбурчится.

— Ні, Славо, ти не міг би бути дружиною письменника!

— Ще б пак (з хитрою мордою). Повісився б.

Другой раз чего-то там ворчит.

— Славо, я тебе кину і вийду заміж за молодого.

— Ну вже на цей раз візьмеш десятикласника.

Так мы и жили. Злиться долго на него или дуться я не умела, а он — очередной шуткой все превращал в смешной театр, и мы практически почти не ссорились. Я не была затятою, часом миролюбиво закінчувала дискусію таким: «Сьогодні поступається найдостойніший».

А однажды (а может и не однажды) звонит как-то подвыпивший Ярослав и сообщает, что направляется домой с кем-то из друзей-приятелей. Открывает ключом дверь, а я — в коридоре с большим плакатом:

«Талант не пропьешь!»

Эффект был потрясающим, но в какой-то мере ожидаемый мною.

Громких ссор, пожалуй, и не случилось. Но один скандал вспоминала с особым удовольствием и «с чувством глубокого удовлетворения». Это я о результате.

Как я уже писала, в нашем доме было многолюдно и весело. Мы оба любили гостей. Ну, разумеется, как всякая хозяйка, я не привечала нежелательных визитеров, действуя порой весьма твердо, но, надеюсь, без хамства. Во всяком случае, Ярослав не раз с легкой завистью говорил: «Ну як це в тебе виходить: і м'яко, і чітко, і без брехні?» На що я йому: «Самая большая ложь и лицемерие принимать неугодных сердцу людей, пусть они трижды знамениты или при должности. Это наш дом, и в нем я сама — номенклатурная единица».

Да, так о скандале. Возвращаюсь я как-то зимой из Кислородска, из санатория. А в Киеве — череда мероприятий: то театральные фестивали, то какие-то еще съезды директоров театров, режиссеров, показы и всякое такое в том же роде. Раз прихожу домой вечером — на всех диванах, кроватях, во всех комнатах кто-то спит, какие-то пьяные «куняют» на кухне. «Хто це?» — «Директор якогось театру, я не пам'ятаю».

«А це що за п'яна Квазімода хропе?» — «Ой, забув» и т. д. — «А це?» — «Та звідки я знаю» — відповідає з невинними очками. «В них же усіх місця в готелях!» — це вже я йому.

И так продолжалось, вообразите себе, чуть ли не три месяца кряду. — «Славочко, ну не лишай же всіх ночувати!

Мені ж зранку треба збиратись на роботу і ще щось, і ще щось». — «Ти ж сама любила!» — «Так то ж наші друзі, приятелі, і їм ніде було зупинитися».

Присягаюсь, я була толерантною, доки терпець мені не урвався. Але скандал я вчинила не зненацька — обдумано і свідомо.

О, какой это был самозабвенный, упоительный, облегчающий душу ор. О том, что дом превратился в бардак и пьяную ночлежку, что нельзя ни шагу ступить, ни свободно вздохнуть, ни побыть в конце концов одной. В самый разгар моего самоизвержения Славик вдруг не без злорадства показал пальцем на приоткрытую на площадку дверь. Я остолбенело замерла. Но, набрав воздуха и с новыми силами и, надеюсь, с новыми интонациями завопила: «Хай всі чують, в яких умовах я живу!» — «Ну так, прямо в концтаборі, бідачка-сирітка», — спроквола опирався, ще не отямившись, Ярослав, геть не звиклий до скандалів.

Дня два я с ним не розговаривала, що в принципі считала і вважаю недопустимим. Потом ми раз'їхались: я — на море, в Дом творчествa «Коктебель», Ярослав — в нашу хатку на Полтавщині. Кажеться, обмінялись двома-трьма телеграммами в силу необхідності, але ще не помирились. Я вернулася в Київ і знову поїхала в Коктебель чуть ли не на місяць, укryлася на дачі у **Ирочки Евсы**, нашої подруги. Чудесний дім старої постройкi, розложисті екзотическіє елі-чужеземкi, що раскинули нижніє ветви чуть ли не по землі, удивительно приятное (за редким исключением) многолюдие и... стихи. Замечательные, незабываемые — Ирины, других поэтов. Всех манили, притягивали в дім красота, дружелюбие и незаурядность талантливой хозяйки, да и сама дача, ставшая одной из коктебельских достопримечательностей.

Ярослав подружился с Ириной еще в Москве (он — на ВЛК¹, а Ира — студентка Литинститута), ценил ее талант, неотразимое обаяние.

---

¹ Высшие Литературные курсы.

Переводы И. Евсы поэзии Лины Костенко еще одно подтверждение ее одаренности. Общеизвестно, что Лина Васильевна, взыскательная к своему слову, столь же непримиримо строга к качеству перевода. Насколько мне известно, Л. В. отнеслась благосклонно к творческим усилиям молодой коллеги.

И как нежное напоминание о прошедших днях, о настоящих и будущих, очень желанных для меня встречах слова Ирины на книжке: «Люсе — с любовью, не меняющейся во времени. 2002 г.»

*...пузырилась, текла кинолента,
шепот срывался на крик.
...Но — в черно-белое брызгами света —
дней наших золото сыпалось с веток,
как абрикосы в арык.*

Да, итак, не без удовольствия возвращаюсь к скандалу. Славочка наш, хоть и весь разобиженный, заволновался, засуетился, завьяснял, куда же это я подевалась. В сентябре, наконец, встретились дома. Весьма настороженно. Ругнулись (как завершающий аккорд). На этот раз шумел Ярослав (не очень): «Ти мені таке говорила, що ти розлучишся і таке-то, таке-то, таке-то» — «Я?! Та не може бути, та ніколи в світі». — «Ага, ніколи, очки робить невинні! Повіялась кудись, аби в село не їхати!»

Чуть-чуть побурчал. И — вечный мир и вечная любовь.

Вскоре он, проводив около 11 часов вечера нашего приятеля американца, ласково-доверительно сказал мне: «Тільки заради тебе не лишив його ночувати. Бідолага, їхатиме через усе місто». — «Еге ж, — кажу, — кінми і степом. І ночувати буде в стайні, а не в апартаменті при посольстві».

После той ссоры иногда у входной двери, прощаясь с друзьями, Славик предлагал: «А може, лишитесь ночувати? Люся це дуже любить». Наши друзья, разумеется, знали всю эпопею, и шутка пользовалась неизменным успехом.

Но какая же радость, если оставался ночевать кто-то из близких! Почему-то мы все укладывались в одной комнате, и утром соседка пеняла мне: «Ну, Людмила, я ж до пяти

утра не могла уснуть от вашего хохота». В следующий раз мы располагались в другой комнате. Но обязательно все вместе. А иногда случались тихие «ночевки», Слава засыпал раньше, а мы обычно беседовали до утра, довольные, что вырвали столь долгое общение у житейской суеты.

Разумеется, бывали недолгие недоразумения в нашей личной жизни, как у всякой пары. И если я сейчас вспоминаю об этом, то безо всякой горечи и даже наоборот... с нежностью. Вот не так давно, уже после гибели Ярослава, звонит мне подруга и, жалуясь на мужа, возмущенно вопрошает: «Ну и как это называется?!» Я помолчала и тихо сказала: «Счастье». А ведь и то, счастливые пары это не те, кто никогда не ссорятся...

Упоминаю же об имевших место размолвках, желая быть правдивой, и чтоб не выглядела наша жизнь сусально-сиропной.

А что касается семейных скандалов — то вывод напрашивается сам собой: чем реже — тем действенной.

На Великдень

И каждый раз навек прощайтесь,
когда уходите на миг

[▪]

Теперь самое тяжелое — последние дни Ярослава.

Единственный человек, кому, собравшись с силами, я смогла ответить на письмо — Леонид Генрихович Зорин. Смогу ли я когда-нибудь рассказать и о нем самом, и об их нежнейшей дружбе-любви? Передо мной пачка писем Л. Г. к Ярославу, и почти каждое начинается: «мой золотой», «мой нежно любимый Ярослав» или «Славочка». Постепенно, когда боль станет не столь непереносимой (а станет ли?), я их все перечитаю.

И сейчас я кое-что возьму из моего письма к Л. Г., т. к. именно ему поведала, пусть не совсем связно, о Ярославе в последние дни его жизни.

На бесконечные звонки отвечал мой сын или наши друзья, не оставлявшие меня ни днем, ни ночью. Превозмогая себя и невозможность что-либо говорить или выслушивать, узнав, что один из звонков из Москвы, — взяла трубку и попросила сообщить о несчастье Зорину.

Последний период был необычайно удачливым для Ярослава. И в творчестве, и, пожалуй, во всем. Его пьесы шли повсеместно; в некоторых помесячных афишах, к примеру, Национального театра им. Франко, его имя значилось не менее десяти раз. Ставили и собственные его пьесы, и переводы с английского и французского, инсценировки. Причем последние были приняты и Министерством куль-

туры, и театрами как оригинальные произведения. В истории литературы и драматургии — много тому примеров: талантливое переосмысление известного сюжета начинает жить своей новой литературной и сценической жизнью. Это и **Дюрренматт** — «Играем Стриндберга» — по пьесе «Страсти по монахине», и **Горин** — «Тевье Тевель» — по «Тевье Молочнику» **Шолом Алейхема**, известная история использована **Шекспиром** в «Ромео и Джульетте», да и, наконец, «Фауст» **Гете**...

Для талантливого автора всегда неизъяснимое удовольствие и даже искус испробовать себя, воссоздавая по-новому литературные шедевры, а тем более вдохнуть в них драматургическую, сценическую жизнь. Труд порой титанический и зачастую непосильный! Нечасто зритель безоговорочно воспринимает фильм по любимшему произведению. Редкая удача сценариста, если подобное случается. И немного тому примеров — таких как «Моя прекрасная леди» по **Б. Шоу** или «Полет над гнездом кукушки» по роману **Кена Кизи**. Полагаю, что большинство зрителей воспринимает их без чувства досады. Такими безусловно творческими удачами являются, на мой взгляд, пьесы **Ярослава Стельмаха** «Крихітка Цахес» по гениальной сказке **Гофмана** и «Кохання в стилі барокко». Последняя в корне отличается от первоисточника и по своей (стихотворной) форме, и по стилистике, и по современному звучанию так же, как и по динамике действия.

А во всех пьесах **Стельмаха** по прозаическим произведениям (**Гоголь**, **Флобер**, **И. Шоу** и др.) с одной стороны, сохранен дух первоисточника, с другой — создано именно драматургическое напряжение действия — что (и это знает каждый писатель и режиссер) является тяжелейшей творческой задачей и огромной ответственностью. В то же время сколько мы знаем случаев механического переложения известного произведения, ученического «тяп-ляпства». Поэтому-то пьесы **Яр. Стельмаха** и воспринимались зрителем, и принимались Министерством культуры как оригинальные.

Творческие усилия Ярослава прекрасно оценивались коллегами, критикой и, естественно, театрами: как написала **А. Веселовская** в «Столичных новостях» (27.11—3.12, 2001) — «...настоящий бум и признание Стельмаха. Только в Киеве на программах более десятка спектаклей различных театров значилось его имя». Добавлю от себя — и так во всей Украине.

І сміється Грицько з Диканьки, випущений Яр. Стельмахом на сцену, нашкульгує Цахес-Бенюк в оживій гофманівській казці, страждають Емма Боварі і Люсі Краун.

[■]

А сколько договоров о будущих пьесах и переводах, сколько планов и начатых работ!

Был он светел, весел, искрился юмором и шутками, доводя меня и моих друзей просто до колик.

У нас была уютная хатка на Полтавщине, прослужившая нам верой и правдой 12 лет, приютив нас после Чернобыля. Слава любил «свое обійстя», работая в тиши летними месяцами. Но с каждым годом ездить становилось все тяжелее — все-таки 500 км туда-обратно, и мы начали подумывать о дачке под Киевом.

И зимой 2001 года он подарил мне чудный сельский домик в просто-таки райском, по его выражению, месте — красоты и простора необычайных. Сада и других деревьев немерено и еще тут же «своя» гора, покрытая лесом, — его особая гордость. В общем, описать не берусь. И с начала весны до 15 июля он упоенно занимался ремонтом и постройкой тридцатиметровой веранды. Строили, разумеется, рабочие, а он жил рядом, у **Дианы Петриненко** (спасибо ей сердечное), не спуская с них глаз, обсуждая с ними каждую мелочь, не утомимо мотаясь в Обухов или в Киев за строительными материалами и всем необходимым. А щедрая Тамара Ивановна **Скирда**, соседка слева, подкармливала его пирожками с вишнями, «как у мамы».

Прожив с ним много лет, с изумлением я обнаружила, что не знаю его до конца. Он открылся мне с новой сто-

роны. Скрупулезность (как и в писательстве), дотошность, разборчивость и нетерпимость к небрежности, неаккуратности, затягиванию дела. Выходило у него все споро и со вкусом. Скромно, добротнo и привлекательно. Слава успел полюбить это место в селе Халепье беспредельно — *своих* белок, дятликов, ежеиков, высоченные старые деревья и прямо-таки швейцарской красоты чистое озеро, в 15—20 мин. ходьбы по заливному лугу.

Как он старался! Как хотел мне угодить, как волновался и переживал, как торопился достроить домик к приезду сына и внучки (15 июля) из Швейцарии.

Как передать его любовь к моему сыну **Алеше**, их взаимопонимание и истинно мужское взаимоуважение. А внучку **Зюечку** он «обожнював», позволяя ей творить с собой нечто невообразимое.

И мы радовались этим хлопотам; правда, слишком близко к сердцу он принимал все, чуть что не так, какая-нибудь нерадивость рабочих — и он начинал сердиться, тихо поругиваясь про себя. О, он был изобретательнейшим (без скабрзности и пошлости) виртуозом-ругателем. Бурчал он, конечно же, что два месяца не садится за стол — любой писатель поймет его. Но вместе с тем сам же не хотел упрощать чего бы то ни было в строительстве, заботясь об удобствах и разных мелочах, о которых я даже и не просила.

И он успел все.

Соседи потом говорили нашей внучке: «Зюечко, ти знаєш, як дідусь на тебе чекав. Як поспішав з ремонтом, бо «приїде ж моя красотулечка».

Слава сиял, без преувеличения сиял. И за 5 дней до гибели устроил мне чудесный день рождения с шашлыками, позвал близких друзей, чтобы показать им, наконец, нашу дачку. А большой сбор — «входи́ни» — мой муж решил сделать в сентябре, по возвращении с Полтавщины, куда он собрался — посмотреть, как там наша хатка, решить, что с нею делать в дальнейшем, и главное — поработать 2—3 недельки за столом.

А на даче в день моего рождения было весело, как всегда звучали шутки и смех, восторги и ахи. После первых добрых слов Славы обо мне, по-моему, все вскорости за-были по какому случаю встретились. Только и разговоров было о том, какой Слава молодец, как все хорошо, удобно устроил в доме, и опять — охи-ахи.

А уж как он был рад — не передать, и, шутя, сказал: «Ось і буде пам'ятничок мені»(!!!) Сколько раз с друзьями мы вспоминали эти его слова.

На следующий день уже в Киеве мы, как у нас заведено, перезванивались с друзьями, делились впечатлениями.

В обыденной жизни мы ведь нечасто употребляем слово «счастье», но в те дни все мы называли именно это слово: «Какой Слава был вчера счастливый!» Он был счастлив моей, Лешинной, нашей радостью, изумлением, что он так много успел сделать за два месяца, и как! Рад, что дождалась детей. И на фотографиях того дня — он запечатлен благодушным, довольным и веселым.

Бывает, что люди не замечают такого состояния — ведь счастье — как солнце за тучей, его не видишь, а оно есть. Но мы — Слава, Алеша, я — в те дни были так радостны и безмятежно счастливы.

Придя как-то в Киеве вечером домой, где меня ожидала трехдневная гора немытой посуды (так радостно-бесшабашно мы были все время заняты, убегая куда-то), я весело бросилась на кровать и, раскачиваясь, закричала: «Какой бардак! Какой счастли-и-вый бардак!»

А затем он уезжал, обсудив со мной подробно планы, переполнявшие его. В то последнее утро мы завтракали, беспрерывно смеясь, скорее хохоча, и потом, прощаясь, долго обнимались и целовались у порога. «А ти мене поцілувала непарно», — сказал Слава. «Ну хіба ж я рахувала?» И мы снова целовались. А Алеша, с улыбкой наблюдая за нами, слегка недоуменно заметил: «Ну что ж вы прощаетесь как навечно, мама ж через 10 дней к вам приедет».

Я так і ніколи не взнаю, що означало те «непарно».

Ярослав ушел к машине, а Алеша сказал: «Как я счастлив за Славу, что у него все хорошо». И снова прозвучало слово «счастье» — а Алексей парень сдержанный, немногословный, без излишней восторженности, одним словом — ученый. Но ведь он был прав. Награды, литературные премии, «Золотая фортуна», орден, очень ценимая Ярославом театральная «Пектораль», Приз зрительских симпатий, «Лучший драматург года», поздравление от Президента к юбилею и еще много чего. Прочили его и на должность «голови Спілки письменників» (хоч він і пручався).

Мы порой слышим нечто скептическое по поводу награды. Ярослав не был сверхтщеславным и суперамбициозным, в самую меру, я бы сказала, как оно и должно быть. Но, безусловно, был рад признанию.

Я как-то прикрепила все его награды к бархатной подставке. «Ну що ти оце зробила?» — удавано-сердито. Я, фыркнув: «Кому не подобається, нехай не дивиться». И хоть изредка он поспешно переворачивал по скромности подставку, когда приходил кто-то не очень близкий, але я бачила, що по тайки він тішиться тим, що я тішусь, і тим, що таке надумала.

И уезжал он умиротворенный, удовлетворенный, «в гармонии с миром, с собой и со мной» — как написала мне в день его смерти наша подруга **Ирина Палиашвили**. Вот с таким воодушевлением, на подъеме, он уезжал.

Бывали разные периоды — ведь мы прожили вместе 28 лет. Но последние годы и месяцы были именно такими.

Сейчас я не могу писать, как все случилось. Может, с течением времени, к концу моих записок. Знаю точно, что он не страдал. Мысль о последнем мгновении его — моя боль и мука.

Милиция, мои друзья, близкие доказали мне это. Потеря сознания за рулем. Я думаю — сосудистый спазм. И все. Никакой аварийной ситуации, не осталось даже тормозного следа. Десятки свидетелей.

Я не могла прикоснуться к его документам, фотографиям, а когда они были нужны, их доставали из ящиков мои друзья, а чаще **Алешин** отец или его жена **Анечка**.

[■]

Не могу (да и не хочу) описывать мое горе и ужас, невозможность принять и поверить. Еще не навалилась тоска одиночества, жалость к себе (вероятно, это придет позднее), а душу охоплюет «демон печали», неизбежная боль и отчаяние из-за того, что нет его, что оборвалась такая чудесная светлая жизнь. Сердце сжимается при виде рассветов и закатов, дождей и первой зелени — он никогда этого больше не увидит. Боже милостивый, как смириться с этим!

Зміст

[▪]

Белый свитер	5
Скандал	7
И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг	12
Письмо Л. Г. Зорина	19
«Костер в сумрачном лесу»	21
Я — с тобой. Люся..	24
Воспоминания Светы Стельмах о Славе. Семейная драма	28
Семейное колесо Стельмахов	46
Знакомство. Первые встречи. Легенды	53
Слово про друга	60
Слава в быту.	64
Рассказ Лины Суркис	73
Родственники, Зочка	78
Про Юрка Петрашевича	86
Спогади духівника отця Івана Михайлишина	89
Друже мій славний! (<i>спогади Юрія Петрашевича</i>)	92
У Кьольні	97

Пьесы. Алеша	100
Ірпінь. Михайло панасович	104
Із Ярославових записів (<i>За кимось із сільських родичів</i>)	111
Павло Архипович Загребельний	114
90-річчя Михайла Панасовича Стельмаха	117
Таня Денисенко о друге	124
Чиновники и режиссеры	128
Украина и таланты	135
Статья о театре в «Литературной газете» и некоторые последствия . . .	138
У чеканні театру <i>Ярослав Стельмах о драматургши и драматургах</i> . . .	143
А в это время в институте...	146
Заборони	150
Сумы — театральный фестиваль	156
Несподіване зізнання <i>Спогади Я. Стельмаха про Миколу Лукаша</i>	159
Рецепти Стельмаха	161
Сергій Васильєв про Ярослава	169
Семинар в Ялте. Маленькая хитрость	172
Эдуард Маркович Митницкий. «Драма в учительской»	180
Веселое и горестное повествование.	183
КАВКАЗ (<i>рассказ очевидца</i>)	190
Писатели, писатели...	193
Дома творчества как зеркало...	201
Снова о Пицунде... и об очень важном	207
Еще о домах творчества и о многом другом...	212
Черновцы	217

Карпатські діалоги	219
Потрясение Алены	221
Самопознание.	225
Бурлаки	228
Гортаючи листи <i>Листи з Америки</i>	232
Лист в Америку	242
Письмо длиною в месяц <i>Листи в Швейцарію</i>	245
Стих с акцентом....	255
Серебряная свадьба	257
«Од безсилля знемагає розум...».	260
Микола Жулинський	264
Гортаючи книжки	274
Андрій Чебикін про Ярослава.	319
Андрей Чебыкин.	323
Лампада під вітром (<i>Спогади колеги</i>).	326
Анатолий Перепадя	329
Їхали ми, їхали... <i>Спогади друга</i>	332
Станислав и Рита Пазенко. Новый театр	336
Лесь Танюк.	339
Андрей Крыжановский	342
Григор Тютюнник	346
Євген Гуцало.	349
Микола Рябчук.	352
Львів. Богдан Ступка	355
Богдан Ступка про Ярослава	364
Олег Бійма	366

Олег Бійма про Ярослава	368
Олекса Вертинський	371
Ексклюзив — в газеті «Киевские ведомости»	375
Дружбы	387
«На півшляху свого земного світу...»	391
Його життя не мало другого акту.	394
Последня дата	396
Мемуари Людмили Стельмах	399
ІМЕННИЙ ПОКАЗНИК.	402